

НОВЫЕ СМЫСЛЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРОФЕССИИ В XXI ВЕКЕ: ОПЫТ ЕГУ

Alla A. Sokolova

New meanings of the legal profession in the 21st century: Experience of EHU

One of the major challenges for the liberal arts, education, and legal profession is the development of modern technologies and artificial intelligence in the 21st century. Can artificial intelligence overcome or alter human intelligence in the future, and replace many professions, including legal ones? Can we expect any stability of the legal profession in the labor market? Are all kinds of legal activities to be executed by “robot lawyers”? How could one portray an ideal intellectual lawyer? What competencies should he or she possess in order not to compete, but rather cooperate with a robot lawyer? In this article, the author makes an attempt to give answers to these questions and present the vision of modernization of the profession of a lawyer in the 21st century. The author’s reflections are supported by illustrations from personal professional experience, in particular, in the field of administration of legal educational projects at European Humanities University.

Keywords: artificial intelligence, modernization of legal education, new paradigm of legal consciousness, intellectual lawyer, EHU Law Department.

Социальный мир в XXI веке кардинально изменился: формирование информационного общества, вызовы глобального мира поставили новые проблемы перед человечеством. Являются ли они непреодолимыми, способны ли инструментарию юридической профессии преодолеть некоторые из них? Каким представляется путь модернизации юридической профессии в системе современной культуры

образования? Эти и релевантные им вопросы станут предметом размышления в данной статье, предлагаемые теоретические конструкции в которой будут дополнены иллюстрациями личного профессионального опыта автора, в частности, при создании и апробации модели факультета права в Европейском гуманитарном университете (1994–2004).

Один из основных вызовов XXI века для гуманитарного знания, образования и профессии юриста – развитие современных технологий и создание искусственного интеллекта. Может ли искусственный интеллект «победить» естественный и изменить или в перспективе заменить многие профессии, в том числе, как убеждены некоторые авторы, и юридические? Каковы перспективы устойчивости юридической профессии на рынке труда, все ли виды правовой деятельности могут быть выполнены роботами? Попытаюсь разобраться в этой проблеме и представить свое видение модернизации профессии юриста в XXI веке.

1. Искусственный интеллект и профессия юриста

Профессор права Джон Макгиннис в статье «*Machines v. Lawyers*», описывая кризис в юридическом образовании, констатирует: школы права сталкиваются с наиболее значительным снижением числа учащихся за последние десятилетия. Кризисное состояние юридического образования и положения профессии адвоката на рынке труда является предвестником надвигающейся трансформации в юридической профессии. По его прогнозам, компьютерное обучение и другие цифровые технологии могут в ближайшее время изменить профессию юриста, а искусственный интеллект вытеснит адвокатов из сферы правовых исследований (John O. McGinnis 2014).

Как относиться к возрастающей роли искусственного интеллекта, приведет ли этот процесс к конкуренции на рынке труда и замене некоторых категорий юридической деятельности юристами-роботами? Проблема активно обсуждается в юридическом сообществе: палитра мнений достаточно широка – от консервативного отношения к технологическим новациям до вполне взвешенного восприятия и предвидения положительных эффектов в возможности использования искусственного интеллекта в юридической практике.

На мой взгляд, ответ на этот вопрос не может быть однозначным.

С одной стороны, юридическая деятельность сопряжена с выполнением различного рода вспомогательных технических процедур, не требующих особой интеллектуальной подготовки. Для стран с *англо-американской правовой системой* (Common Law) это аналитическая работа с прецедентами, обзор правовых документов, их оформление и представление в судебные органы. Компьютерные технологии уже сейчас позволяют осуществлять поиск прецедентов, подготовку документов, прогнозирование результатов судебных процессов – эти задачи

охватывают основную часть юридической практики. Для государств с *романо-германской правовой системой* (Civil Law) поиск и систематизация правовой информации, ее оформление, подготовка однотипных исковых заявлений, завещаний, заключение стандартных контрактов и другие действия могут стать и в некоторых странах уже являются объектом использования искусственного интеллекта. В этом случае робот-юрист может преобразить юридическую профессию, освободив ее от рутинного мышления и технических операций.

В качестве иллюстрации приведу пример несложного юридического действия робота, созданного студентом Стэнфордского университета Джошуа Браудером в 2015 году для использования владельцами автомобилей, не согласными с полученными штрафами за неправильную парковку. Программа генерирует вопросы для робота как основу для текста апелляции. Первый успех у робота уже есть: сумма выигранных дел составляет три миллиона долларов. Тем не менее усматривается уязвимость результата действия искусственного интеллекта: робот-юрист умеет задавать вопросы и отвечать на них, но не учитывает факторы, которые оценивает юрист-человек, в частности, кто сидел за рулем во время парковки и позволяли ли дорожные условия правильно припарковаться (Робот-юрист, который выигрывает судебные дела. 2016).

С другой стороны, в юриспруденции существует много тонкостей и особенностей, требующих значительных интеллектуальных усилий, использования нравственных ценностей, принципов права, проявления чувств и реального опыта, которые заранее запрограммировать нельзя. Иными словами, значимые стороны юриспруденции связаны с когнитивной деятельностью, требующей высоко развитого интеллекта. Дэвид Робинсон в дискуссии с Макгиннисом задает резонный вопрос: «Но как насчет сложной когнитивной деятельности, какие изменения принесут с собой технологии в эту сферу?» Макгиннис прогнозирует, что в области правовых исследований искусственный интеллект вытеснит адвокатов. Робинсон считает это преувеличением: «навыки такого специалиста в риторике, его талант в красноречивом высказывании, в нахождении аналогий, восполнении пробелов или приведении гипотетических примеров часто имеют решающее значение» (Робинсон 2016).

Таким образом, не обладая достаточным ресурсом компьютерного образования, позволю заметить в качестве предварительного тезиса, что «замена» естественного интеллекта в сфере юриспруденции может осуществляться в двух направлениях: а) с помощью компьютерной автоматизации определенных видов технико-юридических операций и б) с использованием искусственного интеллекта, предполагающего постановку целей и задач, определяемых не алгоритмами, а самой «машиной». Возникает резонный вопрос: все ли виды деятельности правовой сферы могут быть заменены искусственным интеллектом?

Наиболее «уязвимыми» для внедрения искусственного интеллекта являются, на мой взгляд, две основные сферы юриспруденции: судебная практика с ин-

ституте адвокатуры и законопроектная деятельность. Сможет ли робот выступать в роли судьи, адвоката, законодателя? Могут ли компьютерные программы выполнять эти функции? Будут ли общество удовлетворять принятые таким образом решения? И в этом случае ответ не будет однозначным. Задача судьи, сохраняя беспристрастность и объективность, профессионально квалифицировать рассматриваемое деяние, решая вопрос, подпадает ли оно под действие той или иной нормы закона. В судебной практике немало дел, сопряженных с применением административно-правовой ответственности, алгоритм разрешения которых вполне может быть запрограммирован, а робот-судья станет безупречным исполнителем (в частности, юридические программы-роботы используются в делах по взысканию долга, оспариванию штрафа). Однако юридическая деятельность характеризуется не только формальными признаками, но и особым *юридическим мышлением*, неизменными атрибутами которого являются: уровень правосознания, правовой психологии (чувства, эмоции); умение применять принципы права; интерпретировать такие правовые категории, как добросовестность, честность, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию граждан сведения, состояние аффекта; искусство риторики; личный жизненный опыт и другие нюансы, неподвластные машинной технике, искусственному интеллекту. Например, речь адвоката в судебном заседании, затрагивающая деликатные нюансы и тонкий психологический рисунок конкретного дела, оказывающая решающее воздействие на присяжных (вспомним блестящие речи адвокатов Ф.Н. Плевако и А.Ф. Кони); процедуры медиации, позволяющие сторонам прийти к компромиссному решению. И в этом – особенность профессии юриста, только внешне ограниченной формальными рамками, а содержательно основывающейся на уникальном личном опыте и профессионализме (я имею в виду лучшие безупречные ее образцы, а не низкопрофессиональную деятельность, которую, вероятно, юрист-робот выполнит более квалифицированно).

Обобщающее значение для излагаемой в предыдущем фрагменте проблемы представляет выступление президента и декана Бруклинской школы права Николаса Алларда на пленарном заседании VIII Петербургского международного юридического форума, участники которого описали свое видение того, как в перспективе будет меняться деятельность юристов. Н. Аллард допускает, что часть юридической работы вполне можно доверить машинам (редактура документов, проверка цитат и орфографии). Но необходимо, как он полагает, закрепить за человеком три столпа юридической профессии, к которым Николас относит анализ, консультирование и защиту прав граждан. Эту деятельность, по его мнению, машины никогда не смогут отобрать у юристов-профессионалов (Адвокатская газета. Орган Федеральной палаты адвокатов РФ. 17 мая 2018).

В *законопроектной деятельности* ресурс искусственного интеллекта можно успешно использовать для социологического обеспечения процесса раз-

работки нормативно-правовых актов. Развитие компьютеризации позволяет сосредотачиваться на определении реальных последствий действия законов и способствует развитию экспериментальных техник с целью проверки их эффективности. По сути, процесс формирования права – это информационная технология, алгоритм особых операций, которые может обеспечить искусственный интеллект. На мой взгляд, простые, с позиции юридической техники, не требующие сложной правовой аргументации и обоснования проекты норм права могут готовить компьютеры и тем самым освободить специалистов от рутинного труда. Другая сторона создания права – исследовательская, аналитическая, творческая, требующая социолого-правового сопровождения, интеллектуальных междисциплинарных усилий профессионалов, завершающаяся созданием *научной концепции* будущего нормативно-правового акта, требует высокого мастерства и профессионализма юристов (см.: Соколова 2018). Наблюдая усложнение компьютеризированных систем и их воздействие на социальные, можно предположить перспективность их активного взаимодействия. К примеру, определение стратегических направлений в законодательной политике, принятие креативных политических решений, разработка правовых теорий требуют интеллектуальных инвестиций и реального жизненного опыта. Основная роль в этих процессах будет принадлежать «интеллектуальным» юристам. Обработка социологических и статистических данных, количественный анализ, математические способы прогнозирования последствий этих решений, выстраивание цифровых аргументов и алгоритмов, позволяющих выявлять тенденции, «спрятанные» внутри огромных массивов информации, – сфера искусственного интеллекта.

Итак, на мой взгляд, следует различать виды правовой деятельности, в силу своей технической вспомогательной природы подлежащие автоматизированию и компьютеризации, и сферы правовой жизни, интеллектуально насыщенные, когнитивные, требующие интерпретации, аналитики, принятия решений и многих иных мыслительных навыков и компетенций, не подвластных машинному интеллекту в ближайшее будущее. И в этом ракурсе полноценное университетское обучение, включающее «синтез исторических традиций и новаций, единство теоретического и практического компонентов, баланс цифровых технологий и идеолого-мировоззренческих ориентиров, гармонию юридического и морально-психологического, культурно-воспитательного аспектов» (Баранов 2017: 19), является культурно-правовой основой для деятельности будущего специалиста.

Следует признать, что юридическая профессия уже активно трансформируется под воздействием компьютерных технологий. Как относиться к внедрению искусственного интеллекта в юридическую сферу? Полагаю, что он должен являться составной частью профессиональной деятельности юриста: искусственный в помощь естественному. А значит, должен стать компонентом обра-

зовательной программы. Юрист, получивший качественное профессиональное и гуманитарное образование, сможет занять активную позицию в творческом процессе правовой деятельности и в случае противостояния «искусственный интеллект – профессия юриста» выстоять и принять роботов в качестве технических партнеров.

Как с позиции высшей школы реагировать на происходящие и набирающие невиданный темп компьютерные инновации? Все ли направления правовой деятельности может заменить искусственный интеллект? Каков портрет юриста эпохи искусственного интеллекта? Вот, на мой взгляд, основные вопросы, определяющие вектор образовательной политики и самым непосредственным образом влияющие на уровень *профессионализма* в правовой деятельности.

2. Юрист-интеллектуал или юрист-«инженер». Новая парадигма правопонимания как основы юридического правосознания

Процесс модернизации юридического образования продолжается во многих европейских странах. Дискуссионными остаются вопросы моделей юридического образования, его структуры, продолжительности обучения и содержательного наполнения. Юридическое университетское образование в государствах, входящих в пространство действия Болонской декларации, представлено различными моделями. Литовское законодательство, к примеру, позволяет помимо имеющей ряд очевидных недостатков системы «бакалавриат + магистратура» для образовательных программ юридического профиля организовать пятилетнее непрерывное университетское обучение с выдачей диплома «магистр права». Эта модель используется в Европейском гуманитарном университете: в 2013 году разработана и в настоящее время реализуется пятилетняя магистерская программа «Международное право и право Европейского союза», совмещающая уровни бакалаврской и магистерской подготовки, по завершению которой выдается диплом магистра права.

Общее реформирование юридического образования должно быть направлено, на мой взгляд, на достижение *конвергенции образовательных систем* европейских стран, придание черт схожести и унификации, с тем чтобы создать общеевропейский рынок труда профессионально подготовленных специалистов-юристов. Участвуя с 90-х годов прошлого века в международном проекте Campus Europe, автор статьи столкнулась с проблемой составления общей для университетов-партнеров образовательной платформы по юридической специальности (Core Curriculum) в целях гармонизации учебных планов, взаимного признания академических достижений студентов, обучающихся в университетах-партнерах Campus Europe, и выдачи двойных (совместных) дипломов. Формальная принадлежность правовых систем постсоветских государств к ро-

мано-германской правовой семье не обеспечила совпадения образовательных учебных программ, излишне идеологизированных по содержанию.

Поэтому, прежде всего, сближения требует содержательный контекст, определяемый, на мой взгляд, *следующими принципами*.

В университетах постсоветских государств по-прежнему методологическим основанием, определяющим концепцию развития юридического образования, остается *правовой позитивизм* (Sokolova 2012). Доминирующий позитивизм как парадигма обучения формирует основы правовой культуры не *юристов-интеллектуалов*, а *юристов-«инженеров»*. Он не развивает компетенций критического восприятия и анализа политико-правовой реальности, определения путей оптимизации действующего законодательства, принятия нестандартных решений в правовой практике, современных способов интерпретации правовых документов, определения их социальной эффективности. Его методологический потенциал состоит в передаче правовой информации студентам, запоминании ими норм правовых актов и их неукоснительного применения. Для трансформирующихся государств эти цели не самодостаточны. Основная задача преподавания правовых дисциплин видится мне в формировании юридического мышления, правовой эрудиции, системы профессиональных и социальных компетенций, направленных на креативное разрешение социальных проблем, сопричастность процессу формирования права и его модернизации.

Понимание права, отличное от позитивистского его восприятия или этатистского как крайнего его проявления, формируется в рамках *интегративного подхода*, позволяющего совмещать различные ипостаси права как многомерного социального феномена, объединяющего в реальной жизни нормы, ценности и факты (Холл 1999: 738–741). Право является не продуктом государства (в традиции Дж. Остина), не выражением государственной воли (классовая теория права), а результатом действия различных социальных факторов. Интегративное восприятие права, исключающее определение доминирующей правовой школы и признающее их взаимозависимость, позволяет раскрыть содержательный потенциал права во всех его основных аспектах и использовать таковой в конструктивных целях правового созидания – выявлении социальных предпосылок, условий эффективности и совершенствования.

С проблемой правопонимания связан и вопрос о методологическом приоритете подготовки профессии юристов – *интеллектуальной* или *узкоспециализированной*. Каким видится портрет юриста эпохи искусственного интеллекта: юриста-интеллектуала или юриста-«инженера»? Многолетний преподавательский опыт работы в Европейском гуманитарном университете приводит меня к констатации преимуществ формирования *юриста-интеллектуала*, занимающего активную позицию не только в сфере юриспруденции, но и в публичном пространстве. Именно юрист-интеллектуал – будущий реформатор политико-правовой системы авторитарного государства, актер публичной сферы, высту-

пающий как политик, общественный деятель, эксперт, нормрайтер (см. о профессии нормрайтера: Баранов 2017).

Для меня одной из привлекательных моделей подготовки высококвалифицированного юриста-интеллектуала служит образовательная программа факультета права ЕГУ (речь идет о периоде Минской истории университета – 1994–2004 годах). Успешность этой программы (одно из свидетельств этого утверждения – неоспоримый факт высокого вступительного конкурса) определялась, с одной стороны, основной концептуальной идеей – выбором направления обучения: специализация в области международного (публичного и частного) и европейского права (первый беспрецедентный образовательный опыт в вузах Беларуси). С другой стороны, программа была уникальной по своему *интеллектуальному потенциалу*. Учебная подготовка основывалась на принципах междисциплинарности, изучения основ социогуманитарных наук, использования в преподавании иностранных языков как инструмента профессионального общения. Блок гуманитарной подготовки включал нетрадиционные для советского юридического образования авторские курсы: «Введение в историю философии (Древнего мира, Нового времени, русской философии)», «Введение в искусствоведение», «Введение в историю и теорию литературы», «Введение в историю психологии», «Введение в историю и теорию литературы», «Введение в богословие», «История мировых цивилизаций», «История Европейской цивилизации», «История религии», «История национальных литератур», «Введение в методологию гуманитарного познания», «Основы логики» (список курсов из Приложения к диплому выпускника ЕГУ 2000 года). Блестящий состав преподавателей, среди них А.Л. Ренанский, Г.М. Кучинский, А.А. Баканов, В.А. Дунаев, Н.С. Семенов, Ю.В. Стулов, Л. Чернышева, А.А. Звонников и многие другие мастера-гуманитарии, открывал для студентов нравственные и эстетические ценности, мир литературы и поэзии, истории и религии! Миниатюрных по объему курсов было вполне достаточно для того, чтобы придать импульс и активизировать процесс гуманитарного познания, социального взросления и творческого поиска. Студенческие инициативы – создание творческой мастерской и демонстрация замечательных спектаклей, театрализованных церемоний, сопровождавших торжественные события университетской жизни, – производили особый эффект в жизни академического сообщества (в эти годы сложилась традиция проведения торжественной церемонии *посвящения в студенты*: для студентов-юристов впервые такое мероприятие состоялось в октябре 1995 года в здании Национального театра оперы и балета).

Гуманитарная подготовка для студентов-юристов особенно важна в настоящее время, рождающее новые цифровые технологии, не способные пока заменить труд юриста-интеллектуала. Примечательна в этом отношении тематика Восьмых философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца – «Право и литература» (Институт государства и права Российской академии наук,

Москва, 2013). Современная правовая культура должна развиваться во взаимосвязи с культурой творческой. Убедительность художественных образов, идеи и смыслы гениальных творцов, обнаруженные ими силой своего таланта, являются нам непреходящие ценности, спасительные для всех цивилизаций. Создатели мировых литературных шедевров внесли свой вклад в развитие не только духовной, но и правовой культуры. Размышления о взаимодополняемости правоведческого и художественно-образного постижения мира права и социальной реальности вполне могут стать исследовательским полем в программе магистерской подготовки по философии права. Художественная литература способна стимулировать гуманистический интерес к актуальным проблемам правовой теории. Правовое содержание можно обнаружить в произведениях многих выдающихся писателей: это «Илиада» Гомера, «Венецианский купец» и «Гамлет» Шекспира, «Преступление и наказание» Достоевского, «Воскресение» Толстого, «Процесс» Кафки, «Приглашение на казнь», «Истребление тиранов» В. Набокова. Идеи об отношении закона к кровной мести, о преступлении и наказании, судебной практике, наследовании, интеллектуальной собственности оказывают гуманистическое воздействие на общественное сознание, формируют образы права, справедливого закона. Тексты многих художественных произведений самых различных литературных жанров выступают источниками правовых идей различных исторических эпох, иллюстрирующих эволюцию институтов права и в целом отражающих элементы правовой культуры, взятые из повседневности. Особо важно обращение к этому слою мировой культуры юных юристов-исследователей, профессиональный портрет которых во многом будет зависеть от их междисциплинарной образованности, эрудированности, умения извлечь правовые ценности из сокровищницы художественной культуры и актуализировать их применительно к реалиям юридической повседневной практики.

Сколько поистине гениальных правовых идей, замысловато вплетенных в тексты произведений, можно «обнаружить» в творчестве *А.С. Пушкина*! Особо важное значение для характеристики «правового» портрета поэта имеет его стихотворение «Из Пиндемонти» – своеобразный гимн правам человека, аксиологическое кредо, в котором выражено авторское понимание идеи свободы как идеи универсальной. Блестящий источник философско-правовых рассуждений! Для корректировки правового сознания следует, на мой взгляд, рекомендовать это сочинение юным юристам при изучении курсов по теории и философии права, теории прав человека (см.: Соколова 2014). Кстати, любопытно посмотреть на состав прочитанных юным лицеистам одним из педагогов Царскосельского лицея *А.П. Куницыным* курса лекций, включающего логику, психологию, этику, право естественное, право народное, право гражданское русское, право уголовное, финансовое и т.д.

В условиях процесса глобализации, сближения региональных систем права, мобильности студентов и преподавателей, возможности выбора трудоустрой-

ства в европейском пространстве особую значимость приобретает *международное и европейское право*, которое, на мой взгляд, должно стать не только обязательным компонентом постсоветского юридического образования, но и инструментом обычной юридической практики. Профессиональная подготовка факультета права ЕГУ включала блок базовых юридических дисциплин и дисциплин специализации – международного права и европейского права. Благодаря активной международной деятельности, установлению контактов с зарубежной академией, успешной проектной деятельности университет участвовал в ряде престижных международных проектов. В рамках образовательного проекта TEMPUS-TASIS (1995–2001) в преподавании спецкурсов по европейскому праву принимали участие профессора-визитеры из Университета Монтеस्कье Бордо IV (Франция) и Университета Алкала (Испания). Особая заслуга в организации этой программы принадлежит профессору права Кристиану Грелуа (Франция), сотрудничество с которым продолжается до сих пор. Параллельно студенты изучали спецкурсы по европейскому экономическому праву в рамках программы «Развитие международного коммерческого права» – Eurasia Foundation (1996). Уникальность этих программ – преподавание курсов на французском и немецком языках и способность студентов, благодаря интенсивной языковой подготовке, осваивать их, стажироваться в университетах Бордо IV, Бременском, Гамбургском. В конце XX – начале XXI века этот компонент профессионального обучения имел неоспоримое преимущество в национальной системе юридического образования. Программы завершались выдачей студентам помимо дипломов государственного образца сертификатов переводчика-референта, владеющего профессиональным английским/французским или английским/немецким языками. Понятен и объясним тот факт, что многие выпускники буквально в период государственных экзаменов получали приглашения по трудоустройству в престижные государственные и международные организации.

Традицией и профессиональным новшеством, формирующим высокую профессиональную эрудицию и навыки публичного выступления будущих юристов, стало участие студентов в международных юридических конкурсах. Впервые в истории Беларуси команды студентов факультета права ЕГУ приняли участие в конкурсах *Jessup Moot Court Competition* (1995 год и последующие), а также в конкурсах по международному гуманитарному праву *Jean-Pictet Competition* и *Telders International Law Moot Court Competition*.

3. Юридическое образование и правовой тренинг (*Legal Clinic*)

Профессиональный аспект юридического образования требует в качестве обязательного дополнения к программе обучения *клиническую подготовку*, формирующую *практические компетенции* будущего юриста, но имеющую отличительные особенности по сравнению с традиционным институтом произ-

водственной практики студентов. На факультете права ЕГУ впервые в Беларуси была организована *юридическая клиника (Legal Clinic)* – вид профессиональной практики студентов с консультированием граждан по вопросам гражданского, трудового, семейного права под руководством практикующих адвокатов. Помимо развития профессиональных умений и навыков студенты приобщались к выполнению социальной миссии – оказывали правовую помощь малоимущим слоям населения.

4. Новые компоненты университетского образования

Модернизация юридического образования, на мой взгляд, должна быть направлена на усиление способности юристов реализовывать свои профессиональные функции в глобально меняющемся мире. Внедрение искусственного интеллекта в область юриспруденции задает новую парадигму концепции профессиональных компетенций юриста. Неадекватность модели профессионального обучения требованиям рынка может обострить риски трудоустройства молодых специалистов. На рынке труда, как было отмечено выше, уже появляются профессии, обеспечивающие юридические услуги компьютерными инновациями. В Российской Федерации, например, новые технологии в юридической сфере развиваются по следующим направлениям: автоматизация типовых юридических услуг, рост юридических онлайн-сервисов для клиентов, переход системы правосудия в онлайн, создание решений на основе искусственного интеллекта (Цветкова 2017). В социальных сетях учеными-правоведами и юристами-практиками активно обсуждается вопрос о внедрении legal AI (artificial intelligence). Основатель Platforma практикующий юрист Ирина Цветкова выразила уверенность в том, что сегодня происходит настоящая legalTech-революция (Цветкова 2017).

Настало время серьезно задуматься о траектории развития профессиональных компетенций в организации юридического образования. Внедрение legal AI создает конкуренцию на рынке труда, победителями в которой станут юристы, владеющие такими инструментами, как ROSS или Beagle, и использующие более автоматизированную практику, компьютерные технологии (Как искусственный интеллект изменит юриспруденцию. 2017). В этой связи набор традиционных для профессионального портрета *юриста-интеллектуала* компетенций и навыков, таких как критическое мышление (анализ, оценка законодательства), интерпретация правовых норм, использование института аналогии права при восполнении пробелов в законодательстве, техника медиации и др., должен быть, на мой взгляд, дополнен оригинальными навыками использования *современных legal AI технологий* (на основе изучения, к примеру, курса по юридическому сопровождению IT-бизнеса – Digital Law). Смеею предположить, что для *идеального юриста* XXI века перспективно совмещение юридического

и технического образования: создание юриста-робота может быть результатом творчества двух этих профессий. Но элитарные юристы-интеллектуалы, виртуозные мастера своей профессии – останутся вне конкуренции.

5. Университет. Академическое сообщество

Итак, в каких «храмах» науки и культуры должны воспитываться юристы-интеллектуалы? Ответ прост: в университетах! (Не будем, однако, преуменьшать роль иных высших учебных заведений, к примеру существующих при академиях наук различных государств институтов права.) Юридическая профессия зародилась в глубине веков и с течением времени в силу постоянно растущей социальной динамики трансформируется. Подготовка специалистов по праву, а также по философии, богословию, медицине в Западной Европе проводилась в университетах. В исторически первом, как принято считать, университете Западной Европы – Болонском (основан в 1088 году) обучались студенты, большинство которых ранее в монастырской или кафедральной школе получили гуманитарное образование (программа состояла из семи «свободных искусств»: грамматики, риторики, логики, арифметики, геометрии, астрономии и музыки). Примечательно, что с XII века предварительным условием изучения права, теологии, медицины стало изучение «свободных искусств» (Берман 1998: 130). В Средние века университеты превратились в «очаги культуры»: в них зарождались новые прогрессивные идеи, создавалось право ученых, ставшее общим для всей Европы, развивалась наука (Давид 1998: 54). Средневековые университеты (*universitas* – в переводе с латинского «корпорация», «объединение», «коллектив») представляли собой союз преподавателей и студентов (*universitates magistrorum et scholarium*), постепенно превращающийся в *самоуправляющиеся академические сообщества* со своими традициями и принципами. В 2004 году академическое сообщество ЕГУ, сформировавшееся на идеях академических свобод и коллегиального сотрудничества, продемонстрировало солидарность и стойкость в отстаивании своей репутации и академических достижений университета в противостоянии с государственными структурами: студенты своей гражданской позицией влияли на настроение и решительность преподавателей, а те поддерживали юных коллег. Как показывает история, модель университетской корпорации зачастую отражает государственную. Такие инструменты корпоративного сотрудничества, как Устав университета, Сенат, процедуры его функционального взаимодействия с администрацией, практика реализации академических свобод, во многом определяют атмосферу академической жизни и стратегию ее развития. Четверть века для университета – лишь несколько страниц его истории, среди которых немало замечательных, пафосно говоря, героических. Сможет ли академическое сообщество ЕГУ, сохранив свои традиции, преумножив их, продолжить путь в будущее?!

Уникальна судьба университета в изгнании: с одной стороны, проблемы адаптации к новой социальной среде; с другой стороны, неожиданные преимущества – освоение новой культуры, возможность осмысливать и сравнивать ее с доминантами национальной. В методологии преподавания юридических дисциплин в университете-изгнаннике активно используется *сравнительный подход*. Приобщение к правовым ценностям и достижениям других правовых систем, постижение процесса их эволюции и развития позволяют понять суть правовых институтов и уместность их заимствования для обновления национальной правовой системы, формируют критическое правовое мышление, так необходимое для возрождения правовой культуры.

6. Вместо заключения. Новые акценты в миссии юриста

Любая историческая эпоха испытывает вызовы своего времени. К созданию искусственного интеллекта следует, на мой взгляд, относиться креативно: освобождение человека от физического монотонного труда, от рутинного мышления – неплохая затея. В юридической профессии технические функции секретаря судебного заседания, помощника юриста, помощника судьи, помощника нотариуса вполне могут быть автоматизированы. Процесс развития цифровой технологии в западных странах затронул и высокооплачиваемые работы, которые обычно выполняли опытные юристы. В публикации «Три профессии, которые роботы осваивают всё лучше» (речь идет о профессиях фармацевта, юриста и журналиста) есть ободряющий фрагмент «Как перестать бояться и принять роботов». В нем приведены интересные факты: 65% американцев сегодня работают в информационной сфере, которой 25 лет назад не существовало, а две третьих населения планеты в 1900 году работали на фермах или заводах. Сегодня эти показатели упали всего лишь до каких-то 2% (Три профессии, которые роботы осваивают всё лучше. 2015). Информационный век диктует свои правила: одни профессии исчезают, новые профессии появляются.

Проникновение в социальную жизнь совершенно новых явлений (таких, как права роботов, блокчейн, цифровая торговля, беспилотные автомобили) ставит перед юристами задачи адекватного правового регулирования, разработки новейшего законодательства, а значит, переосмысления традиционных правовых концепций, создания новых исследовательских и образовательных программ. Требование времени – формирование междисциплинарных специальностей: юрист в сфере журналистики, медицины, спорта, экологии, биоэтики, образования, законотворческой деятельности и т.д.

Итак, результирующий вопрос: *как реагировать на «интервенцию» искусственного интеллекта в область юриспруденции?* Думаю, что ее следует принять и признать роботов своими партнерами. В стратегии юридической образовательной политики акценты следует поставить, на мой взгляд, во-первых, на

изучение современных информационно-коммуникационных технологий; во-вторых, на подготовку *элитарной* группы специалистов, обладающих знаниями и компетенциями юриста и IT-специалиста, способных совместными усилиями разрабатывать цифровые программы, алгоритмы, другие продукты, наиболее эффективно влияющие на результаты юридической деятельности; в-третьих, на развитие гуманитарной подготовки юристов-интеллектуалов, вклад которых в филигранную сферу юриспруденции будет несовместим с внедрением искусственного интеллекта.

Реагируя на вызовы современности, процесс реформирования юридического образования должен основываться на новой парадигме, и юридическая профессия, как индикатор многих характеристик государства и общества, я полагаю, приобретет новые смыслы.

Литература

- Адвокатская газета. Орган Федеральной палаты адвокатов РФ. 17 мая 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/novosti/budushchee-yuridicheskoy-professii-obsudili-na-pmyuf/>
- Баранов, В.М. Норморайтер как профессия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6 (119). С. 16–29.
- Берман, Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ; Издательская группа ИНФРА–М–НОРМА, 1998.
- Давид, Р. Основные правовые системы современности / Пер. с фр. и вступ. статья В.А. Туманова. М.: Прогресс, 1998.
- Робинсон, Д. Если роботы заменят юристов, угомонятся ли политики? 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://robo-hunter.com/news/esli-roboti-zamenyat-yuristov-ugomoniyatsya-li-politiki>
- Как искусственный интеллект изменит юриспруденцию. 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://legal-it.club/kak-iskusstvennyj-intellekt-izmenit-yurisprudentsiyu/>
- Робот-юрист, который выигрывает судебные дела. 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://robo-hunter.com/news/sozdan-robot-kotorii-viigrivaet-sudebnie-dela>
- Соколова, А.А. Классическая художественная литература: от повседневности к правовым идеям (на примере творчества А.С. Пушкина) // Право и литература: материалы восьмых философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца / отв. ред. и сост. В.Г. Графский. М.: Норма, 2014. С. 146–151.
- Соколова, А.А. Профессионализм в нормотворческой деятельности: перспективы и вызовы в XXI веке // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 340–343.
- Три профессии, которые роботы осваивают всё лучше. 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://robo-hunter.com/news/3-professii-kotorie-roboti-osvaivayt-vsyoluchshe>
- Холл, Дж. Интегративная юриспруденция // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 3. М.: Мысль, 1999.

- Цветкова, И.* Искусственный интеллект в суде, боты-юристы и краудфандинг правовых споров – как начинается LegalTech-революция. 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rb.ru/opinion/legaltech/>
- McGinnis, John O.* Machines v. Lawyers. As information technology advances, the legal profession faces a great disruption // City Journal. Spring, 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.city-journal.org/html/machines-v-lawyers-13639.html>
- Sokolova, A.* Legal Education In Post-Soviet Countries: Problems and Principles of Reform // The International Lawyer. 2012. Vol. 46 Issue 2. P. 639–643.